

*Моим замечательным родителям,
Рейзел и Машелу, которые спасли всех нас.
А также моим детям и внукам,
которые не забудут никогда, я верю.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я уезжал от Товы тем утром, на ум пришли заключительные строки шекспировской трагедии «Король Лир»:

Старейший — претерпел; кто в цвете лет,
Ни лет таких не будет знать, ни бед.

Я уверен, что Эли Визель (американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель, профессор. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 года «За приверженность тематике страданий еврейского народа, жертв нацизма», председатель «Президентской комиссии по Холокосту». — *Прим. пер.*) позволил бы нам процитировать себя в текстах, провозглашающих Тову Фридман героиней, посвятившей свою жизнь сохранению правды и памяти.

Сэр Бен Кингсли, февраль 2022 года

ПРОЛОГ

Дочь Аушвица

Зовут меня Това Фридман, и я одна из самых юных выживших узников нацистского концлагеря Освенцим-Биркенау¹. Большую часть своей взрослой жизни я посвятила рассказам о Холокосте, ведь случившееся не должно стереться из людской памяти.

Родилась я в польском городе Гдыня в 1938 году, за год до начала Второй мировой войны. Изначально в моем свидетельстве о рождении значились другие имя и фамилия: Тола Гроссман. Чудом пережив все предпринятые нацистами попытки уничтожить еврейский народ, я оказалась в Америке, где вышла замуж за Майера Фридмана и взяла его фамилию, а затем сменила и свое имя — теперь я Това.

И я, и те немногие узники концлагерей, которые дожили до этих дней, неустанно рассказываем миру свои истории — и все равно кажется, что люди забывают уроки прошлого. Лично я была просто потрясена уровнем невежества молодых

---

¹ О с в е н ц и м — это комплекс нацистских концентрационных лагерей, состоял из трех лагерей: Освенцим I, Освенцим II (Биркенау), Освенцим III (Моновиц).

Освенцим II (Биркенау) — это то, что обычно имеют в виду, говоря об Освенциме.

Освенцим и Аушвиц — названия одного и того же лагеря. Освенцим — это перевод с польского языка; Аушвиц — перевод с немецкого языка (в 1939 году этот район Польши был занят немецкими войсками, г. Освенцим переименовали в Аушвиц). — *Прим. ред.*

американцев: результаты исследования, проведенного на Конференции по Материальным Претензиям Еврейского Народа к Германии, были опубликованы в 2020 году.

Две трети опрошенных не имели ни малейшего представления о количестве погибших в период Холокоста евреев. Почти половина этих молодых людей не смогла назвать ни одного концентрационного лагеря или гетто, а 23% искренне полагают, что Холокост — это просто миф или неоправданное преувеличение.

17% опрошенных утверждали, что неонацистские взгляды вполне приемлемы. Похожее социальное исследование, проведенное в Европе в 2018 году, показало, что треть всех европейцев знают о Холокосте ничтожно мало или даже совсем не слышали о нем. При этом 20% респондентов полагали, что евреи действительно оказывают слишком сильное влияние на мировой бизнес и экономику.

Эти ужасающие цифры указывают лишь на одно: антисемитизм, или ненависть к евреям, набирает новую силу как в Америке, так и в Европе. После всего того, что мы пережили в гетто и концлагерях во время Второй мировой войны, мне трудно поверить, что убийственные идеи 1920—1930-х годов снова возрождаются. Холокост, наипростейшее преступление в истории человечества, имел место быть менее 80 лет назад — неужели столь недавнее и вопиющее по своей жестокости явление уже стирается из памяти человеческой? Это ведь, друзья мои, просто невероятно.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, мне 83 года, и я ставлю себе целью увековечить память о случившемся, сделать так, чтобы невинно убиенные не были забыты — впрочем, равно как и те зверства, которые привели к их гибели.

Многие задаются вопросом, похож ли мир, в котором мы живем, на Европу 1930-х годов, когда нацизм и фашизм расцвели до такой степени, что привели ко Второй мировой войне. В те времена антисемитизм составлял основу официальной государственной политики гитлеровской Германии. С одной

стороны, в наши дни ни одно мировое правительство не внедряет подобной доктрины в свое законодательство, ни в одной стране подавляющее большинство населения не поддерживает столь дикие идеи. Тем не менее мы все знаем современные государства, в которых процветает разного рода дискриминация.

Ненависть — все более и более распространенное явление в наши дни, к сожалению. Я говорю о любой форме ненависти, особенно о неприятии меньшинства. И где бы вы ни находились, я заклинаю вас, не повторяйте судьбу, которую я в очередной раз описываю, теперь — в этой книге.

Адольф Гитлер написал небезызвестную книгу «Майн Кампф», настоящий развернутый план по уничтожению евреев, всего за двадцать лет до того, как Холокост пронесся по миру. Сколько же потребуется времени на массовое распространение подобных идей в нашу эпоху скоростного интернета?.. Сегодня, как никогда, необходимо проявлять бдительность и открыто выражать свои мысли¹.

Мои дорогие читатели, я вложила в эту книгу миллионы запахов, звуков и ощущений — для того, чтобы вы смогли лично прочувствовать, что значит провести детство в условиях Холокоста. Прошу вас, пройдите по моим следам и следам членов моей семьи, и пусть ваши стертые в кровь стопы ощутят холодный камень разбитых дорог. Я прошу вас поразмыслить над дилеммами, перед которыми мы тогда оказались, и попробовать сделать выбор, который порой просто невозможно было сделать. Надеюсь, что вы разозлитесь. Потому что тогда вы, возможно, сможете разделить ярость, которой мы жили в те дни. Эти чувства, которые я постараюсь передать вам через страницы книги, надеюсь, смогут предотвратить геноцид в дальнейшем.

---

¹ Фрагмент текста удален в связи с Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В моей семье история всегда передавалась следующим поколениям из уст в уста. Я скорее рассказчица, нежели писательница, поэтому я попросила своего друга Малкольма Брабанта помочь мне с созданием этой книги. У него лучше получается передавать образы через слова.

Мы познакомились с ним в Польше 27 января 2020 года в ходе мероприятий, посвященных 75-й годовщине освобождения узников Аушвица.

Малкольм — военный репортер. Он лично освещал события 1990-х годов, связанные с этнической зачисткой в Боснии и Герцеговине. Он знает об ужасах геноцида не понаслышке. Его личная история полна боли и смертельно опасных моментов, многие из которых существенно отличаются от моих историй. Нас объединяет то, что мы оба смогли выжить.

Он профессионально погрузился в тему нацистской оккупации Польши и помог мне описать свое детство как можно более достоверно.

Пока мы вместе старались восстановить звуки, запахи и вкусы Холокоста, я почувствовала, как снова нахлынули мои давно запрятанные воспоминания. Порой из-за них я не могу уснуть всю ночь. Все, что произошло со мной и с людьми вокруг меня, спрятано где-то глубоко в уголках подсознания. Как практикующий психотерапевт я понимаю и признаю, что возраст и время могли существенно притупить остроту воспоминаний. Все-таки человеческий мозг и тело в целом — это удивительный механизм, как ничто иное настроенный на самосохранение. Зачастую мы и сами не осознаем, как у нас получилось выжить в определенные моменты.

Некоторые детали моих историй могут не совпадать с тем, что рассказывают другие свидетели Холокоста. После войны моя мать беспрерывно разговаривала со мной о том, что нам пришлось пережить, — так она старалась заставить меня на всю оставшуюся жизнь запомнить все подробности. Диалоги, которые вы увидите в этой книге, приведены не дословно, однако их содержание, интонации, суть — это самый честный

пересказ происходящего из возможных. У всех у нас разные воспоминания и версии правды. Эта книга — моя личная правда.

Не думаю, что я страдаю от чувства вины, присущего многим выжившим: психиатры называют его «синдромом выжившего». Те, кто испытывает это состояние, как бы наказывают себя за то, что остались в живых, даже если они ни в чем не виноваты. Я не думаю, что шесть миллионов евреев, погибших во время Холокоста, хотели бы, чтобы я чувствовала себя виноватой. Мне больше нравится другой термин — «рост выжившего», ведь я активно использую свой прошлый опыт, всерьез осмысливая каждый новый подаренный мне день именно в память о тех, кто погиб во время Холокоста. Я всегда буду помнить о них.

Я направила всю боль своей травмы на то, чтобы «разрушить планы Гитлера». Он хотел уничтожить нашу веру, убив наших детей. Я же потратила большую часть своей осознанной жизни на обратное: я следила за тем, чтобы моя собственная семья была постоянно погружена в нашу культуру. Все восемь моих внуков являются наилучшим живым свидетельством преемственности поколений.

В своих мемуарах я называю этот геноцид Холокостом, однако еврейский термин, обозначающий катастрофу, — Шоа — более точно выражает беспрецедентную трагедию нашего народа.

Освенцим оставил отпечаток в моей ДНК. Практически все, что я сделала в своей послевоенной жизни, каждое принятое мной решение было сформировано пережитыми во время Холокоста событиями.

Я сумела остаться в живых, а это накладывает определенные обязательства, например, высказаться от лица полутора миллионов еврейских детей, замученных фашистами. Ведь они уже ничего не могут сказать. Я должна помочь им прозвучать на весь мир.

*Това Фридман,
Хайленд-Парк, Нью-Джерси, апрель 2022 года*

БЕГСТВО ОТ СМЕРТИ

Душвиц II, он же лагерь уничтожения Биркенау,
оккупированный немцами юг Польши

25 ЯНВАРЯ 1945 ГОДА \ МНЕ 6 ЛЕТ

Я не знала, что делать, и никто из других детей в моем бараке не знал, что делать. Шум снаружи был ужасающим. Я никогда раньше не слышала ничего подобного. Бесконечная стрельба, залпы и одиночные выстрелы. Пистолет и винтовка звучали по-разному — это мы уже хорошо усвоили, ведь мы видели и слышали и то и другое в действии совсем рядом. Винтовки трещали, а пистолеты хлопали. Результат одинаковый: люди падали и истекали кровью. Иногда они кричали, а иногда все происходило слишком быстро, и они не успевали издать ни звука. Например, когда им попадали в затылок или шею. Еще до нас доносился хрип, скрежет и бульканье. Вот оно было самым страшным — это бульканье. Мои уши ненавидели этот звук. Я искренне желала, чтобы бульканье прекратилось — для них и для меня.

Где-то за пределами барака раздавались треск, хлопки и характерное *тра-та-та-та-та*. Этот быстрый звук назывался автоматная очередь. Их я тоже видела в действии. Я знала, каких бед они способны наделать. И они приводили меня в ужас.